

Для этого старейшины, Цзян Юньцзяо, у Нань Суминя не нашлось в памяти никаких особых воспоминаний. Лишь смутное осознание, что тот принадлежит к одной из трех сект Фаньсинчжоу — Цзянфэнге, и не более того.

Его друг Цзян Синчжи внезапно вскочил на ноги:

— Дядюшка? Он никогда не вмешивается в дела других сект, почему он пришел именно сейчас?

Он отослал двух юных учеников внешнего круга и велел Цюй Шаньси:

— Сначала проводи Ахун обратно.

Трое поспешно вернулись в главный зал встречать гостя. По всем правилам Нань Суминю следовало принять на себя роль хозяина и вести беседу, сидя напротив Цзян Юньцзяо, но его тело, еще не оправившееся от тяжелых ран, сейчас напоминало бумажную марионетку, не способную выдержать лишних церемоний. В итоге обе стороны решили пренебречь светскими условностями.

Цзян Юньцзяо привел с собой лишь одного ученика-слугу. Как только Нань Суминь удобно устроился, гость сразу перешел к делу:

— Слышал, юный глава секты Нань очнулся вчера. Как вы себя чувствуете? Есть ли у вас запас целебных трав для восстановления сил?

Нань Суминь ответил вежливым поклоном, вложив в голос ровно столько слабости, сколько требовалось:

— Благодарю за беспокойство. Мне уже гораздо лучше, но врачи настояли на месяце покоя. Что до отваров, то сестра Шаньси следит за этим, так что можете не волноваться.

Он использовал приемы из дворцовых драм, которые когда-то подсмотрел в прошлой жизни. На словах он был сама любезность, но на душе у него словно ледяной водой окатило. Как бы искусно он ни притворялся, он не был настоящим Нань Чичжи. Одно дело — перебрасываться шутками с ровесниками, и совсем другое — встретиться с хорошо знакомым старшим. Нань Суминь до дрожи боялся, что его обман раскроют.

К счастью, Цзян Юньцзяо был с ним не слишком близок и не мог разглядеть бурю в его сердце. Он лишь бросил взгляд на стоявшего рядом ученика. Тот все понял без слов, деловито поставил на столик деревянную шкатулку и, открыв ее, с почтением произнес:

— Юный глава секты, это скромный дар от Шуюньцзюй. Надеемся на ваше скорейшее выздоровление.

Внутри лежала целая связка женьшеня — толщиной в два пальца, с длинными, густыми корнями, некоторые из которых были тонкими, как волос. Даже не будучи экспертом, можно было понять, что это невероятно дорогое сокровище.

Нань Чичжи не знал истинной цены женьшеня в этом мире, но понимал, что это редчайшая драгоценность. Раз уж старейшина целой секты с такой торжественностью преподносит его в дар, значит, вещь стоит целое состояние. В голове у него мелькнула мысль, и он выдал универсальный вежливый отказ:

— Это слишком ценный подарок, я не могу принять его!

В комнате внезапно воцарилась атмосфера праздничного обмена подарками.

Разумеется, занервничал не он один. Цюй Шаньси и Цзян Синчжи тоже застыли в изумлении. Тысячелетний женьшень — редкость, а дикий корень такой толщины — и подавно, не говоря уже о целостности корней. Скорее всего, этот старый корень тысячу лет впитывал энергию солнца и луны, прежде чем его выкопали. Возможно, через пару лет он превратился бы в настоящий духовный материал, способный помочь в достижении стадии золотого ядра. Судя по поведению ученика, они преподносили это как обычное лекарство, и их желание задобрить хозяина было очевидно.

Несмотря на удивление, оба были людьми опытными и, заботясь о престиже своей секты, не подали виду.

Цзян Юньцзяо дважды кашлянул, прочистил горло и, окинув взглядом комнату, прямо сказал:

— Пустое. Неважно, ценный он или нет, прошу вас, юный глава, принять дар. У меня есть еще кое-что, о чем я хотел бы поговорить, пользуясь случаем. Мне не очень удобно поднимать эту тему, но раз уж здесь присутствуют госпожа Шаньси и мой племянник Синчжи, я не побоюсь показаться бестактным. Говорят, ваша память повреждена, и вы не помните событий последнего выхода из гор?

Нань Суминь почувствовал, как сердце ушло в пятки:

— Действительно, было такое. Дядюшка Цзян... в чем проблема?

Цзян Юньцзяо пристально посмотрел ему в глаза и лишь спустя долгое время продолжил:

— Ничего страшного. Должно быть, вы уже слышали, что ваш наставник, глава Нань Хуай, пропал без вести, а глава Цюй Минь тяжело ранен и закрылся в уединении?

Цюй Шаньси побледнела. Она не понимала, к чему клонит Цзян Юньцзяо. Нань Суминь лишь серьезно кивнул.

Цзян Юньцзяо продолжил:

— Прежде всего, я глубоко сочувствую вам и вашей семье. Но сейчас, в глазах посторонних, три секты Фаньсинчжоу потеряли по одному сильному лидеру, и это якобы выгодно Цзянфэнгэ, которая теперь может захватить всю власть. Пусть люди болтают что хотят, но мы-то знаем, что это не так. И хотя наш глава не обращает внимания на сплетни, я, как двоюродный брат

главы Цзянфэнгэ, понимаю, что мы связаны общей судьбой. Я должен пресечь эти грязные слухи. К тому же я не хочу, чтобы Цзянфэнгэ прослыла бесчестной и неблагодарной в глазах любителей позлословить.

Цзян Юньцзяо допил чай, а ученик с прежней невозмутимой улыбкой наполнил его чашку.

— Я надеюсь, юный глава секты, вы меня поняли?

Нань Суминь был ошеломлен этим мастер-классом по интригам. Вспомнив скудные сведения о трех сектах, он понял: в конечном счете, дело в репутации. Если кратко, Цзянфэнгэ хочет через поддержку двух других сект избежать обвинений в том, что они воспользовались слабостью соседей, чтобы возвыситься. Это также поможет сохранить хрупкий баланс между тремя сектами, ведь даже внутри одного союза существуют свои скрытые противоречия.

Подумав об этом, Нань Суминь осознал, почему Цзян Юньцзяо выбрал именно этот момент для столь щедрого подарка. Юный глава секты Нефэнтан, тяжело раненный в последней миссии, был лучшим объектом для демонстрации доброй воли.

Сам того не ведая, он оказался в самом центре опасного водоворота.

Хотя в голове бушевала буря, он понимал, что лишние слова могут навредить. Нань Суминь невозмутимо ответил:

— Я понимаю вас.

Услышав это, Цзян Юньцзяо вздохнул, словно закончил важное дело, и многозначительно добавил:

— В таком случае не буду утомлять вас, отдыхайте. Я откланяюсь.

Цзян Юньцзяо поднялся, взмахнул рукавами и обернулся к Цзян Синчжи. Его голос прозвучал строго:

— Ты все еще здесь? Или хочешь остаться в Нефэнтане навсегда?

Цзян Синчжи смущенно ответил:

— Да... Тогда я тоже вернусь в Цзянфэнгэ. Ахун, береги себя.

Он поклонился и поспешил вслед за дядюшкой. Вскоре и Шаньси, дав последние наставления ученикам по поводу приготовления отваров, отправилась в свою секту.

Юйюйсе снова погрузилась в тишину.

<http://bllate.org/book/19119/1877632>